

К читателю

Написать все, что составило содержание этой небольшой книги, а затем собрать написанное воедино, оказалось легче, чем объяснить причины, побудившие меня решиться на предлагаемую публикацию.

За тридцать с лишним лет профессиональных занятий социологией мне довелось быть свидетелем того, как в условиях репрессивного времени складывалось социологическое сообщество, а ныне — увидеть его дезинтеграцию, возникшую вопреки современным декларациям и гарантиям индивидуальной свободы и научного творчества. Жизнь в социологическом коллективном хозяйстве в доперестречную пору была далекой от идеала. Однако чувство локтя помогало преодолевать многие невзгоды. Последовавшее затем в последние годы вынужденное переселение на «социологические хутора», хотя и открывало путь к проявлениям личной инициативы, но обернулось утратой атмосферы профессиональной солидарности и единства. В итоге живое общение и непосредственные впечатления от постоянно возобновляемых контактов уступили место слухам о том, что происходит внутри социологической общины и за ее пределами. Оставаясь в принципе коммуникабельными, мы не участвуем в полнокровной внутри-международной коммуникации. Достоинство последней видится в том, что она помогала на коллективных фотографиях научного сообщества разглядеть памятные черты едва ли не каждого, кто был на них изображен. В чем, к примеру, глубочайший смысл регулярной почтовой переписки? Напомнить адресату об отправителе и подтвердить, что он по-прежнему интересуется отправителем. От адресата, в свою очередь, зависит, станет ли коммуникация после получения письма улицей с двухсторонним движением или письмо останется невестребованным. В свете сегодняшних представлений о повседневности поступок автора книги ничем не отличается от действий сред-

нестатистического пользователя системы «Интернет», который через соответствующий сервер системы пытается вступить в диалог с профессионально близкими людьми. Эта книга — послание (message) с целью развития ранее установленных контактов и поддержания научной репутации автора.

По В.Далю, *репутация* — слава человека, добрая и дурная, как и чем кто слышет, общее мнение о ком. Обращение к этому слову автору показалось своевременным ввиду его новой служебной ситуации. Так случилось, что в силу превратностей судьбы он сменил во многом род своих профессиональных занятий — стал ректором негосударственного вуза. Здесь-то и оказалось важно «прослыть» разумным в глазах поколения, средний возраст которого не превышает 23-25 лет. Поэтому и книгу следует понимать как своеобразную визитную карточку, которая сумеет что-то добавить к сегодняшней «молве» об авторе. Во всяком случае станут более понятными его гражданские позиции и научные интересы. Последние, будем говорить прямо, временно принесены в жертву идее Европейского университета в Санкт-Петербурге. Но это не жалоба, а просто ума холодное наблюдение.

Теперь осталось обосновать содержание книги. Как свидетельствуют социальные психологи, эпоха радикальных социальных перемен и изменений активно формирует субъективное время, влияет на то, что в сознании каждого человека возникает неповторимая (индивидуальная) связь времен. Жизнь вынуждает любого из нас непрерывно совершать путешествия в прошлое, постоянно обращаться к настоящему, задумываться над будущим, по возможности во всех случаях не терять способности противостоять их разрыву. В таком случае книга не более чем личный (научный и практический) опыт «самопогружения» автора в потоки социального времени. Судить о том, насколько богатым или ограниченным был этот опыт, остался ли автор в плену Прошлого, Настоящего, Будущего или, напротив, сумел отстоять свою человеческую свободу и независимость, — пусть на такие темы размышляет и выносит свое суждение об авторе читатель.

Сентябрь 1997 г.

От веры в миражи к осознанию повседневности

Академику Т. И. Заславской принадлежат суровые, но справедливые слова о том, что социальные дисциплины в нашей стране долгое время оставались в арьергарде общественной жизни. Замечание это в полной мере относится и к социологии. Основной профессиональный канон этой науки — олицетворять истину и мужественную совесть общества — оказался нарушенным вскоре после того, как партийными декретами послесталинской поры было «высочайше» разрешено заниматься «конкретными социологическими исследованиями».

Пристальный взгляд в недавнее прошлое свидетельствует, что любые, пусть самые благонамеренные, попытки увести социологическую науку от ее канона оборачивались трудновосстановимыми потерями. Скажем, в годы, непосредственно предшествовавшие Перестройке, немалые усилия прилагались к тому, чтобы трансформировать социологию в науку о социальных надеждах. Но даже такое «легкое вмешательство» имело трагические последствия. Едва социология вошла в предписанную ей свыше «положительную роль», как цепкая власть социально-нормативных требований и установлений быстро лишила ее внутренней свободы, и она попала в плен порожденных ею же самой умозрительных соблазнов.

Полученное, казалось бы, строгими научными методами (не станем принимать во внимание попытки прямых политических и идеологических спекуляций) социальное знание последних десятилетий достаточно быстро разрушалось и превращалось в очередную иллюзию всякий раз, когда социологи пытались предлагать благонамеренные выводы. Теперь становится понятным вред этой благонамеренности, пропитанной мечтаниями о близком и, казалось, счастливом будущем. С большей или меньшей стара-

тельностью этим мечтаниям предавались едва ли не все обществоведы, составлявшие официальный корпус социальных наук. Пишу об этом не для того, чтобы оказаться за пределами толпы, неистово топчущей прошлое, и не ради запоздалого покаяния. Соблазнение светлым будущим — важнейшая генетическая черта советского периода нашего государства.

И я не вижу принципиальной разницы между известным историческим посулом Н. С. Хрущева (согласно которому поколения людей, здравствовавших в 60-е годы, должны войти в ворота коммунистического парадиза и начать новую, теперь уже совершенно радостную и обеспеченную жизнь) и, скажем, послеоктябрьскими программами большевиков.

Судьбе было угодно, чтобы я находился в зале Большого Кремлевского дворца съездов в минуты произнесения Н. С. Хрущевым многообещающих слов. Не ошибусь, если скажу, что энтузиазм по поводу радужных перспектив был всеобщим не только в зале, среди делегатов и гостей XXII съезда КПСС. Энтузиазм был доминантой умонастроения людей в стране, и нет ничего удивительного в том, что его разделяли не только рядовые граждане, но значительная часть политической, культурной и научной элиты общества. Но если ослепление было коллективным, то прозрение носило индивидуальный характер.

Официальные институты государства (вне зависимости от функций и места в иерархии соподчинения) ревностно несли почетный караул у знамен развитого социализма. Официально этот караул был снят в августе 1991 года. До той поры ни «караульные начальники», ни «разводящие» не решались признаться даже самим себе, что дальнейшее несение караульной службы лишено исторической перспективы. Вплоть до Перестройки обществоведы на разные лады произносили слова Евангелия от Карла, Фридриха, Владимира и Иосифа. Беру свою книгу, написанную в 1977 году и посвященную проблемам развития средств массовой коммуникации в век прогресса науки и техники: «Социализм приближает время, когда общество обретет способность реализовать потребности людей, по верному замечанию К. Маркса, во всей полноте человеческих проявлений жизни». И далее: «Подтверждением сказанного являются социальные задачи современного советского общества. Резко ускорить темпы роста производительности труда; увеличить масштабы и сократить время внедрения научных достижений во все сферы общественного производства; обеспечить расширенные и одинаковые возможности для получения образования и для доступа к достиже-

ниям культуры всем слоям населения; выровнять стандарты городского и сельского быта; ускорить процесс преодоления различий между физическим и умственным трудом; устранить противоположность между рабочим и свободным временем, между трудом и потреблением, объединив их как различные сферы жизнедеятельности человека и развития его способностей, — вот лишь некоторые из целей развития, — писал автор, находясь в здравом рассудке, — воплощение которых стало возможным лишь на определенной, достаточно высокой стадии прогресса». ¹ Не буду повторять всуе имена моих учителей — ученых, возродивших социологию из руин, из пепелища, которое осталось на месте социальных наук в сталинскую эпоху. Скажу лишь, что их имена в 60-80-е годы легко было найти среди убежденных толкователей «Коммунистического манифеста».

В итоге при активном содействии и поддержке социальных наук в общественное сознание была внесена принципиально ложная картина общества и человека, которая обладала свойствами транквилизатора, снижающего чувство напряжения, страха, опасности и тревоги. Иначе нельзя объяснить причину того, что многолетняя и нарастающая с годами историческая драма нашего государства оставалась как бы за пределами восприятия ее великим множеством людей. Социалистический реализм был «творческим методом» не только для эстетического освоения действительности, но и для социального познания ее. Он получил основательную прописку в теоретических взглядах на общество и в системе конкретных доказательств, построенных на этой теории. В итоге ослепление будущим имело своим следствием своеобразную «общественную сирингомиелию» (так в медицине называют болезнь, лишаящую человека болевой и температурной чувствительности).

Является ли поставленный диагноз — «общественная сирингомиелия» — типично советским синдромом, дотоле неизвестным истории, или же, напротив, такое могло случаться и случалось ранее? Ответ на подобный вопрос содержится в замечательной книге голландского историка Йохана Хейзинги «Осень Средневековья». Он пишет в ней, в частности, о том, что каждая историческая эпоха страстно желала прекрасной жизни, более того, чем глубже было разочарование и отчаяние от неурядиц, тем более сокровенной становилась жажда «кроткого веселья и спокойной, счастливой жизни» взамен неизменных спутников чело-

¹ Фирсов Б. М. Пути развития массовой коммуникации. Л., 1977, С. 34.

веческого бытия — распрей, ненависти, злобы, алчности, дикости и нищеты ¹.

В мою задачу не входит определять с необходимой точностью степень экономической, политической, военной изнуренности России в канун Октябрьской революции. Это задача историков, которую они достаточно успешно решают. Я пытаюсь понять, какие причины, помимо беспрецедентного насилия, принуждения, террора, удерживали людей от сопротивления власти большевиков и, более того, заставляли их думать, что наконец-то грядущее время уменьшит бедствия, откроет путь к преодолению вечной несправедливости.

Позволю себе подробную ссылку на Йохана Хейзингу. Он пишет о том, что далекая цель — идеал прекрасной жизни может быть достигнута тремя путями. Первый из них увел бы «прочь от мира». Это — отречение от всего земного. Второй — совершенствование мира самого по себе, когда человек и власть полагают «хорошее» провидением и установлением Божьим, и не ставят перед собой задачу — сознательно устремиться к улучшению и преобразованию общественных и государственных дел. Третий путь — мечтания: «Раз уж земная действительность столь безнадежно убога, а отказ от мира столь труден, так скрасим же свое существование прекрасной иллюзией, перенесемся в страну безоблачных грез и фантазий, сгладим действительность восхищением перед идеалом».

Массы граждан России вступили в годы, непосредственно предшествовавшие Октябрьскому вооруженному восстанию, сохранив в себе желание прекрасной жизни, которое мы можем уверенно назвать родовой чертой человека. Однако жители средневековой Европы XIV-XV веков, о которых писал Й. Хейзинга, в одном отношении не были похожи на наших сограждан начала XX века. Первые, по утверждению голландского историка, испытывали страх перед будущим, ибо отсутствие твердой воли к тому, чтобы сделать мир более совершенным, тогда было «всеобщим». Вторые (то есть наши ближайшие предшественники) в той или иной степени испытали на себе влияние идей XVIII века, когда страх и безволие перед будущим уступили место идеям сознательного «внедрения» целесообразных форм общественного и государственного порядка. Именно этот век обозначил путь «к позитивному улучшению мира», а в другой терминологии, например, в языке политического экстремизма, — к

¹ Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1988. С. 33

насилию, экспроприации, переворотам, разрушению существовавшего социального порядка. Ощущение тупика, бесплодности коллективного увлечения идеями всеобщей переделки, перекройки мира, человека и общества, переживаемое нами сегодня, было неведомо тем, кто поднимал знамена и лозунги мировой перманентной революции в начале нынешнего столетия.

XVIII век сделал немало для освобождения духовных потенций человека от «свернутого» существования. Век XIX гиперболизировал эти идеи, не только преждевременно возвысив человека над повседневностью, но и наделив его неограниченной властью торжествующего покорителя собственной природы. Трагическая ошибка состоит в том, что человек слишком уверовал в свою способность встать над собственным бытием как естественно-историческим процессом. Получив мандат творца, демиурга, он присвоил себе право перекраивать социальную жизнь в любом, лучше сказать, в произвольном направлении. Испытывая чувство головокружения от внушенной ему социальными философами способности к переустройству мира, человек приступил к реальным действиям, обернувшимся в конечном счете социальным произволом, трагедиями XX века.

Смены определенных способов производства — фаз развития человечества в историческом времени — являются объективным фактом, опирающимся на ключевое понятие общественно-экономической формации. У нас нет оснований сомневаться в справедливости взглядов основоположников марксизма на эту часть «предыстории человечества»¹. Их утверждения не отрицали прошлого и не вступали в противоречие с духом и фактами прожитых эпох. Иными по смыслу, утопичными кажутся априорные конструкции. Здесь прежде всего утрачивало смысл прошлое, ибо законы «начала» человеческой истории были совсем иными, чем законы «предыстории». Замена одних на другие была, конечно же, произволом, когда эмпирическое знание изымалось из доказательств, вместо него предлагалось верить в то, что на смену капитализму неотвратимо, неизбежно придет коммунистическая формация. Однако, чтобы приблизить миг, связанный с ее наступлением следовало, по совету классиков марксизма, вмешаться в естественно-исторический ход явлений, освободить от сдерживающих пут новую общественную силу — пролетариат и сбросить с его помощью иго буржуазии. Априорные утверждения опирались, таким образом, на насильственное изменение мира.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 8.

Подчинение естественной необходимости было отменено сначала в теории, а затем и на практике.

Последствия социального произвола, под знаком которого прошли 70 с лишним лет жизни советского государства, хорошо известны. Хочется сказать о гносеологических выводах. Познание мира человека имеет свою методологию, отличную от методологии изучения мира природы. То, что удалось сделать астроному и математику У. Леверье — предсказать с абсолютной точностью существование планеты Нептун по возмущениям планеты Уран, — оказалось невозможным в сфере социальной. Законы социальной механики тысячекратно сложнее, той небесной, которой пользовался Леверье. По всей видимости, знания «валентности» и «атомных весов» рабовладельческого, феодального или капиталистического общества не хватило бы социологу, попытайся он построить (по примеру Д. Менделеева) периодическую систему элементов человеческого общества. Не случайно поэтому так быстро утратил власть над людьми француз О. Конт, плененный ложной магией идеей социальной физики.

Опасности иллюзий не избежали и основатели марксизма. Предложенное ими уравнение социализма не имело в действительности правильных решений. «Упрямое» общество в очередной раз не пожелало подчиниться этому уравнению, оставило неразгаданными многие тайны своего исторического пути.

Теперь становится понятным, что идея социалистического строительства имела в своей основе довольно грубую экстраполяцию, к тому же поставленную в принудительную зависимость от жестких исходных условий. Считалось, что переход от капитализма к социализму совершится по принципиально антикапиталистическим правилам. Возникнет общество, которое явится отрицанием всего, что было ранее. Экономика без рынка и конкуренции, демократия без плюрализма... Но главное состояло в разрыве с прошлым опытом человечества. Неумелое вторжение, вмешательство в жизнь высокоорганизованного организма, нарушающее действия механизмов социальной наследственности быстро дало о себе знать: мутант оказался во многих смыслах нежизнеспособным.

Перестройка амбивалентна. Это не только решительное обновление жизни путем разрыва с прошлым — одновременно и возврат в русло цивилизующего процесса. Теперь, когда переключается с невероятными усилиями штурвал громадного корабля этим самым осуществляется возврат с пути, ведущего к «черной дыре», в сторону «своей» галактики.

Выражаясь прямее, следует говорить о неизбежности поворота в сторону здравого смысла, о возвращении к естественным формам человеческой жизни и правилам, по которым эти формы порождаются, входят в жизнь общества и развиваются, передаваясь от поколения к поколению.

Вновь обращаясь к отношениям социологии с обществом, следует напомнить, что надежды на лучшее будущее, которые были лейтмотивом многих обществоведческих исследований в годы, непосредственно предшествовавшие Перестройке, и ранее, после начала десталинизации советского государства, как правило, не сбывались. По прошествии сравнительно небольшого времени они решительно начинали расходиться с реальностью. Общество как бы догадывалось, что к нему пытаются приложить искусственные модели, и потому стремительно начинало уходить от «преследователя» в другую, часто непредсказуемую сторону. Иными словами, оно стремилось избежать навязываемых обстоятельств. Более того, общество ощущало в себе силу и способность избежать ловушек социологического знания.

Здесь вполне уместна аналогия с тем, как в древности носители традиционных культур представляли себе отношения «охотника» и «зверя». Звери, согласно традиционным воззрениям, могли не только слышать, но и понимать охотника. Допускалось, что некоторые из животных могут сами разговаривать на языке людей. Реальной представлялась и месть животных: звери «чуяли» людей и потому умели избегать опасностей, с ними связанных. Так и общество до недавнего времени пыталось уходить от преследований «социолога-охотника».

В истории, пишет Я. Гордин, существует явление, которое можно было бы назвать «инстинктом самосохранения больших общностей». В основе этого инстинкта лежит генетическая способность сопротивляться любым попыткам заставить социум двигаться неестественным, неорганичным путем. Именно здесь следует искать источники несостоятельности социологического знания, попавшего под влияние порожденных им же несбыточных социальных ожиданий.

Один из исторических грехов послевоенной социологии — ослепление образом государства. Иллюзорные добродетели и фальшивое человеколюбие служили щитом для маскировки абсолютной и жестокой власти — гипноз этот является фактом нашего недавнего прошлого. Здесь стоит мысленно вернуться к гипертрофированной роли коммунистической идеологии. Именно с ее помощью был построен ирреальный мир, в который пере-

шло общество, разорвав свои связи с реальным историческим пространством и временем. В этом «зазеркалье» возникла иррациональная экономика, иррациональные общественные отношения и иррациональная власть партии, присвоившей себе право распоряжаться судьбой народа. Независимость научного мышления была утрачена, а вместе с нею и способность думать и жить исходя из реалий. Места истин заняли современные мифы. Не только обыденное, но и научное сознание стало мифологизированным, поверившим безоговорочно в вечное и нерушимое единство партии и народа, в монолитность семьи народов, населяющих нашу страну.

Желание власти удержать народ в повиновении было безграничным. Еретикам, раскольникам, иноверцам в этом обществе места не было. И теперь сквозь незамутненные очки можно увидеть, что социология сделала немало для утверждения унылого единообразия социальной жизни и удержания людей в канонах конформизма, всеобщего послушания и страха перед капитализмом. Подчеркну, что основное ядро профессиональных социологов никогда не опускалось до уровня примитивной идеологической манипуляции сознанием, но все же идеология жестко тянула в сторону компромиссов с властью и примирения с установленным порядком. Потоки социологической информации часто направлялись только «наверх», их адресатами были органы управления. Медики считают нужным скрывать серьезные диагнозы от пациентов. Следуя этому правилу, «врачи-социологи» обсуждали диагнозы общественных заболеваний в узком кругу социальных экспертов. Тайна консилиумов имела специальные средства защиты. Не вдаваясь в детали и ошибочность такого поведения, сделаю вывод: в прошлом, врачую общество, социологи редко испытывали радость его спасения. «Больному» пришлось самостоятельно приступить к своему исцелению..

Чтобы общество поверило во врачебный дар социологии, ей самой надлежит повернуться лицом к живым, реальным отношениям.

Выше говорилось о вере в образование новой исторической общности — единого советского народа. Вера покоилась на далеком от истины убеждении, что внутри общества происходят необратимые и позитивные изменения — границы между классами стираются, а различия, если они и имели место, — выравниваются. Радужные картины сближения опирались на упрощенное понимание самой социальной структуры. Каждый человек занимается либо физическим, либо умственным трудом, живя либо